

полагает высший синтез, таинственную синергию (сотрудничество) между велением Божиим и волей человека, свободное исполнение человеком Божьего замысла. Мандельштам не только не ушел от своей судьбы, он пошел ей навстречу, выбрал ее и овладел ею.» Эти слова автора в предисловии как бы открывают двери к книге. Все основные события недолгой и такой драматической жизни поэта прослеживаются в непрерывном перекрестии с творчеством, с тем, что Мандельштам писал в тот или иной период. Но главное – другое. Автор снова и снова возвращается к вопросу: что же было перво-причиной мандельштамовских могучих стихов, этого поразительно-его гибелью. Она стоит в неразрывной взаимосвязи со стройным видением мира и с неповторимым, ни с каким другим не сравнимым голосом. Голос предполагает идею, идея не существует вне голоса, оба творят судьбу, но, в свою очередь, творимы ею. Начав с судьбы, располагающейся вокруг мученической кончины, ‘как вокруг своего солнца, и поглощая его свет’, мы, естественно, переходим к тому, что эту судьбу определяет: то безусловно-христианское восприятие мира, которое и позволило Мандельштаму противостоять разрушительным силам века.» Эта мысль Н. А. Струве красной нитью проходит через всю трехсотстраничную книгу. В конце издания, после примечаний, Никита Алексеевич представляет хронику жизни поэта – «Труды и дни Мандельштама».

Виктор Леонидов

ко множеству воспоминаний о ней, все равно вряд ли пройдем мимо книги Саймона Карлинского.

Есть судьбы и строки, которые все равно остаются бездонными, которые и в сотый раз после прикосновения к ним продолжают обжигать так же, как это было впервые. И труд Саймона Карлинского, вне всяких сомнений, еще больше приближает нас к той, которая будет жить вечно. К великой, несравненной, загадочной Марине Цветаевой.

* * *

Никита Струве. Осип Мандельштам. – М.: Русский путь, 2016. 308 с.

Перед тем как попасть в Америку, архив Осипа Мандельштама несколько месяцев хранился у Никиты Алексеевича Струве. Получил он его от легендарной вдовы поэта Надежды Яковлевны Мандельштам. Она даже какое-то время раздумывала, не выехать ли ей на Запад. И если бы попала в Париж, то остановиться хотела только у «дорогого Никиты», с которым ей иногда удавалось поговорить по телефону (см. подробно – НЖ, № 276, 2014).

Надежда Яковлевна хорошо знала Никиту Алексеевича Струве по его предисловиям к русским изданиям Осипа Мандельштама на Западе. Надо сказать, что все основные идеи Струве, высказанные им в этих текстах, она одобрила. Была она человеком верующим и очень близко приняла концепцию исследования поведения и поэзии Мандельштама в системе христианских координат.

Н. А. Струве, потомок знаменитого эмигрантского рода, сын известного парижского русского библиофила и антиквара, приобрел известность как автор большого исследования о Русской Православной Церкви. И именно он, став директором русского издательства YMCA-PRESS, опубликовал «Архипелаг ГУЛАг» А. И. Солженицына. И, к слову, Никита Алексеевич также первым в новейшие времена издал «Собачье сердце» М. Булгакова.

Мандельштамом Струве увлекся с юности. Свое исследование о нем, сначала на французском, Никита Алексеевич представил в 1979 году на соискание докторской степени в Парижском университете. Через три года вышла из печати уже его книга. Через восемь лет, и, что очень важно, на русском, в автопереводе, появилось еще одно издание. Затем, уже в новой России, последовали новые два выпуска. Книги расходились очень быстро, ведь судьба поэта и его творчество продолжают быть звенящим нервом эпохи. Так что неудивительно, что «Осип Мандельштам» Никиты Струве появится вновь на прилавках книжных магазинов России.

«В христианском преломлении судьба – не слепой рок, она пред-

гедии жизни ее и близких были окутаны туманом секретности; вслух о них говорить в Советском Союзе не решались... Тем не менее на родине росло число желающих познакомиться с ее удивительными стихами. И что было практически невозможно – так это познакомиться с воспоминаниями о Марине Цветаевой, выходящими за рубежом, – равно как и с ее эмигрантскими публикациями. Заслугой Карлинского стало то, что он сумел найти и изучить все советские и эмигрантские источники и сделать фундаментальную книгу о Марине Ивановне. Даже сегодня, когда изданы тома и тома цветаевского наследия, когда исследователям известно несравненно больше, чем мог знать Карлинский в середине 1960-х, его книга не потеряла своей значимости. И остается только поблагодарить московский Дом-музей Марины Цветаевой за их труд по переизданию исследования американского ученого.

Карлинский написал свою книгу на английском. В 1970-е годы фотокопия его исследования попала в руки к создателю первого домашнего музея Цветаевой, будущему неутомимому археографу, библиографу и историку Русского Зарубежья Льву Мнухину. Он обратился к Сергею Василенко, занимавшемуся в те времена запрещенной в СССР поэзией. Перевод был сделан. Во время своей поездки в Москву, уже в самый разгар перестройки, Карлинский познакомился с этим переводом – и не высказал никаких замечаний. Единственное, в чем он тогда высказал уверенность, что его «Марина Цветаева: Жизнь и творчество» никогда не выйдет в России. И ошибся.

Прежде всего эта работа поражает сжатым и очень насыщенным анализом бездонного поэтического цветаевского мира. Половина книги отдана разбору техники стихосложения, связи стихов с классическими и абсолютно новаторскими приемами, исследованию значения слова и звука в буре чувств и эмоций, которые рождала каждая строка этого поразительного поэта. Практически Карлинский заложил основу сотен будущих исследований цветаеведов. Он писал о поэмах и стихах, о прозе и драматургии и показал весь огромный масштаб цветаевского гения.

Нельзя не отметить, что, обладая, как уже говорилось, ничтожным, по сравнению с сегодняшним объемом фактов и материалов, С. Карлинский выстроил биографию своей героини почти без ошибок. Быть может, любовь Саймона Карлинского и его преклонение перед Мариной Цветаевой во многом определялись тем, что сам он был профессиональным музыкантом, едва не стал композитором, и сумел расслышать невероятную музыку стихов Цветаевой, этого «звукового ливня». И сегодня мы, имеющие возможность прикоснуться к наследию Марины Ивановны Цветаевой в его полном объеме, как и

бытом, беспокоится и о бездомных скиталицах Ольге и Елене Жировых, живших у нее в доме, или о давно прозябавшей во Франции Наталье Любченко (дочери личного врача Ленина и Троцкого), или о вдове другого известного большевика – Федора Раскольникове...

Одна из центральных фигур многолетней переписки – Леонид Федорович Зуров. Писатель, историк, офицер, долгие годы живший в семье Буниных, абсолютно не умеющий общаться с окружающими и чувствовавший себя всегда одиноким (впоследствии его фобии развились в психическую болезнь). Вера Николаевна организует ему публикации, собирает деньги на лекарства. Беспокойство о «Лене» сквозит в каждом письме.

В книге также представлены послания Маргарите Степун, доставившей Буниным столько хлопот. Но нигде, ни в одной строке их писем нет ни слова упрека или обиды, а лишь человеческое участие. «Я именно поехала одна на кладбище и в одиночестве провела там полдня. Сидела и на нашей скамейке, обошла и все дружеские могилы. День был именно такой, какой любил Ян, с безоблачным небом, с тишиной, что бывает особенно пронзительна осенью», – писала Вера Николаевна Галине Кузнецовой. И сквозь все строки писем проступает особый ангельский свет души этой доброй и такой терпеливой женщины.

* * *

Саймон Карлинский. Марина Цветаева: Ее жизнь и творчество. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. 384 с.

Читателям «Нового Журнала» вряд ли нужно пояснять, кто такой Саймон (Семен Аркадьевич) Карлинский. Один из блестящих исследователей русской поэзии, почетный профессор Калифорнийского университета, а также композитор, музыковед, он в каждой работе поражал своим абсолютно не похожим ни на кого взглядом на произведения русской литературы и виртуозным анализом российской прозы и стихов. Остались свидетельства, что сам Владимир Набоков одобрил работу Карлинского о своем творчестве. Большой резонанс в свое время имела и книга Карлинского о сексуальных истоках творчества Гоголя – исследователь не боялся никаких запретных тем, и никто не мог отрицать его великолепное знание предмета и острый аналитический ум.

И все же в историю русской культуры Саймон Карлинский вошел именно как автор первой книги о Марине Цветаевой. Издание это появилось в 1966 году. Тогда только пробивались первые советские свидетельства об этом удивительном поэте. Обстоятельства тра-

БИБЛИОГРАФИЯ

И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. «...Когда переписываются близкие люди». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934–1961. – М.: Русский путь, 2015. 716 с.

Когда знаменитый диссидент и летописец самиздата Габриэль Суперфин после всех лагерей и ссылок попал в Германию, среди его новых друзей оказался Василий Семенович Франк, душеприказчик наследия Галины Кузнецовой.

Галина Николаевна, вне всякого сомнения, была одаренным литератором, писала стихи и прозу, и все же в историю она вошла прежде всего как подруга Ивана Алексеевича Бунина. Их жизнь в одном доме с женой мастера Верой Николаевной Муромцевой-Буниной всегда была предметом слухов и сплетен, а после фильма российского режиссера Алексея Учителя «Дневник его жены» эта тема вышла за орбиту чисто литературных исследований. Количество полуграмотных публикаций и статей превысило все – от этических до издательских – допустимые нормы. И тем ценнее сегодня выход третьего тома уже ставшей широко известной серии «И. А. Бунин: Новые материалы» – «...Когда переписываются близкие люди».

700-страничный том впервые публикуемых писем удивительных людей – четы Буниных и друга семьи Леонида Зурова с Галиной Кузнецовой и ее подругой Маргой Степун. Основной корпус этих материалов находится в Историческом архиве Института Восточной Европы при Бременском университете. Именно туда их передал Г. Суперфин после того, как В. Франк оставил ему бесценный архив Кузнецовой. В книгу также вошли несколько писем из Русского архива в Лидсе и научно-исследовательского отдела рукописей Российской Государственной библиотеки. Составители книги и комментарии – Евгений Пономарев и верный хранитель Русского архива в Лидсе Ричард Дэвис, автор предисловия – Евгений Пономарев.

Главная героиня книги – Вера Николаевна Муромцева-Бунина, чья невероятная доброта и забота о близких, как и о наследии мужа, оставались неизменными на протяжении всех лет ее жизни. Память о Бунине и подготовка его произведений к изданию стали одним из главных ее дел. Буквально по крупицам была собрана книга «О Чехове», Вера Николаевна разобрала и систематизировала архив писателя (в одном из писем она признается, что очень хотела бы, чтобы все бунинские материалы оказались в России). Пишет воспоминания, первую часть которых издает на собственные деньги. В бесчисленных письмах к Галине Кузнецовой, доставившей ей в свое время столько тяжелых минут, она интересуется ее здоровьем,